

Обычно постулируются два основных принципа описания языковых явлений: «от формы к значению» и «от значения к форме». Если подход «от формы к значению» предполагает работу с «осязаемыми» единицами и структурами и может претендовать на описание системы языка или, по крайней мере, отдельных ее фрагментов, то подход «от значения к форме» с самого начала сталкивается с существенными трудностями: каков статус тех содержательных единиц (смысловых категорий), от которых происходит движение «к форме»; сколько их; как их выделять; вполне ли они одинаковы для разных языков? В то же время «активная грамматика» имеет и очевидные преимущества: во-первых, подход «от смысла к форме» позволяет собрать воедино и системно описать разные способы языкового выражения семантических (понятийных) категорий (таких, как «действие», «состояние», «место», «время», «определенность», «каузация» и под.), а во-вторых, он (в идеале) позволяет приблизиться к пониманию характера и определению состава самих этих категорий – т.е. к построению языковой онтологии. Первое имеет не только теоретический интерес, но и приносит ощутимую практическую пользу: методика «аккумуляции» разных языковых репрезентаций одинаковых или близких значений широко используется в преподавании иностранных языков, в лингвистических моделях машинного перевода и в других прикладных областях. Второе представляется, с точки зрения оптимистов, вполне реальной, а с точки зрения скептиков – далекой (если вообще достижимой) перспективой. Арто Мустайоки принадлежит к числу оптимистов, и в его работе предлагается вариант описания основных семантических категорий языка и способов их выражения в синтаксических структурах. Впрочем, реальная работа с языковым материалом (какой бы подход ни декларировался авторами – «активный» или «пассивный») имеет, скорее всего, «двунаправленный» характер: прежде чем стать отправной точкой в создании активной грамматики, «исходные» семантические структуры и категории должны быть выделены по их языковым репрезентациям. А. Мустайоки не раз отмечает важную роль формы для функционального подхода: «рассматриваются в основном те же языковые объекты, что и в традиционной грамматике, но распределены они в описании по-иному» (с. 21), «для наглядности» принимается «обратный порядок презентации материала», а именно – семантические структуры характеризуют-

ся «с помощью предложений, репрезентирующих их на поверхностном уровне» (с. 34).

В первой части книги «Теоретические основы функционального синтаксиса» автор обобщает ключевое понятие своей концепции – понятие семантической структуры. Поскольку речь идет о синтаксисе, коррелятами семантических структур являются предложения – простые и сложные. Семантическая структура (ср.: *Виктор моет посуду; Нину тошнит; Нина – директор школы* (с. 34) и под.) включает предикат(ы), актанта(ы), модификатор(ы) и спецификатор(ы). Автор подчеркивает, что, подобно традиционному синтаксису, описывающему не отдельные предложения, а их структурные схемы, функциональный синтаксис (ФС) описывает «не отдельные смысловые единицы, а стоящие за ними повторяющиеся типизированные структуры» (с. 38).

Относительно «глубины» и универсальности семантической структуры как основного звена предлагаемой лингвистической модели ее автор принимает следующие решения. «Глубинная семантика» не должна быть, по мнению А. Мустайоки, слишком абстрактной (с. 35), поэтому многие предикаты, которые в других моделях (например, в концепции А. Вежбицкой или в модели «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст») подверглись бы семантическому разложению, в модели ФС остаются «собранными» (так, смысл глагола *давать* в предложении *Маша дала Саше книгу* рассматривается как «неделимая семантическая совокупность» (с. 36) и не разлагается на составляющие ‘Маша каузировала: Саша обладает книгой’). Тем самым «глубинные предикаты» сохраняют достаточно тесные связи с реальными предикатами реального (в данном случае – русского) языка. Что касается универсальности предлагаемого списка семантических категорий, то он, как отмечает автор, «скорее всего, отражает интуицию представителя западной культуры и европейских языков, а не человечества в целом» (с. 38).

По концептуальному аппарату функциональный синтаксис А. Мустайоки близок к теории функционально-семантических полей, развиваемой в работах А.В. Бондарко и других представителей петербургской школы, к идеям функционального синтаксиса Г.А. Золотовой, функциональному подходу М.В. Всеволодовой. Краткий, но содержательный обзор этих теорий, а также других исследований, которые составляют научный контекст работы А. Мустайоки (в их числе – концепции П. Адамца, И.А. Мельчука, С. Дика, Р. Ван Валина, М.А. Шелякина и др.), дан в заключительном

разделе первой части «Место функционального синтаксиса в современной лингвистической теории». В этом обзоре автор не только отмечает связи и переклички ФС с существующими научными теориями, но и формулирует отличия предлагаемой версии ФС от концепций других лингвистов.

Основное содержание концепции функционального синтаксиса изложено во второй части монографии («Семантическая структура как основа описания языка в рамках функционального синтаксиса»).

В ФС различаются простые и сложные семантические структуры. Простая семантическая структура включает ядро – (глубинный) предикат и его актанты, – модификаторы (которые бывают обязательными и факультативными) и спецификаторы. Сложная семантическая структура является соединением простых и может выражаться как сложным (ср. *Если человек разочаровывается, он падает духом*), так и простым (*Разочарования приводят к упадку духа*) предложением (с. 153–154, а также глава 8).

В нынешнем варианте ФС различаются следующие типы актантов: агенс, экспериенсер, нейтрал, объект, тема, реципиент, источник, инструмент, место (их характеристика дается в разделе 4.1). Кроме семантических ролей важной характеристикой актантов являются категории, которые приблизительно соответствуют лексико-семантическим разрядам существительных: категория I – человек и другие живые существа, категория II – предметные актанты, категория III – вещественные, категория IV – отвлеченные (с. 159–160) (ср. таксономические классы участников ситуации в концепции Е.В. Падучевой, см., в частности, главу 4 в первой части работы [Падучева 2004]). Выделяются также восемь примарных классов предикатов: действие, отношение, обладание, локация, существование, состояние, характеристика и идентификация (очевидна синтаксическая ориентированность данной классификации: об этом свидетельствует выделение таких классов, как характеристика и идентификация).

К модификаторам в ФС А. Мустайоки относятся: речевые функции (сообщение, вопрос, побуждение и др.); фаза, которая включает не только темпоральную фазу (начало, конец), но и предварительную стадию (*решишь, собираться*), стадию достижения цели (*успеть, суметь*), а также ирреальность, гипотетичность, модальную фазу (необходимость, возможность, желание); каузация разных видов (деонтическая, речевая, пермиссивная и др.); авторизация (ссылки на автора, указание степени до-

стоверности, разного рода оценки – *хорошо, плохо, важно* и под.).

К спецификаторам в концепции ФС относятся: отрицание, темпоральность, аспектуальность (основные), а также определенность, количество, место, образ и способ действия (дополнительные).

В целом противопоставление ядерной структуры и модифицирующих ее элементов соотносится с традиционными понятиями модуса и диктума (или пропозиции и модальной рамки), а модификаторы и спецификаторы соответствуют основным иллокутивным функциям и функционально-семантическим категориям (хотя отделение таких категорий, как утверждение/отрицание и темпоральность (которая включает, в числе прочего, грамматическое время), от модальных и речевых (иллокутивных) модификаторов и помещение их в один класс с определенностью и количеством выглядит несколько нетрадиционно).

В ФС выделяются следующие ядерные семантические структуры (глава 5): физическое действие и деятельность; передвижение и локация; социальное действие и деятельность; интеллектуальная деятельность (обработка информации, речевая деятельность, интеллектуальное отношение); существование; обладание/владение; эмоции; физиологическое состояние; физические состояния; состояния окружающей среды; характеристика; идентификация.

Легко заметить, что большинство перечисленных типов семантических структур соответствуют, с одной стороны, основным семантическим классам предикатов (см. выше), а с другой стороны, основным семантическим типам (моделям) предложений.

Семантическая классификация предикатов является одним из магистральных направлений синтаксиса и семантики последних десятилетий (ср., в частности, уже упоминавшуюся работу [Падучева 2004], а также фундаментальную классификацию предикатов Ю.Д. Апресяна [Апресян 2006]). Идея соединения классификации предикатов и классификации предложений представляется весьма плодотворной, поскольку, с одной стороны, семантика предиката определяет возможный набор его распространителей и тем самым модель предложения, а с другой стороны, состав данного класса предикатов определяет возможный набор «трансформаций» – разных синтаксических структур, представляющих некоторый семантический тип. По-видимому, классификация предикатов и есть та точка, где максимально сближаются подходы «от формы» и «от смысла»: классы предикатов связаны и с онтологическими категориями, и с синтаксическими моделями.

Хотя основные положения и основные структуры ФС иллюстрируются в книге Арто Мустайоки материалом русского языка (с привлечение английских и финских примеров), автор постоянно подчеркивает, что речь идет о семантических структурах, которые имеют межъязыковую (или надъязыковую) значимость. Отсюда естественно вытекает, что одна из главных областей применения ФС – сопоставительное описание языков. Иллюстрация такого сопоставительного описания (на примере выражения семантической категории «Физиологическое состояние» в русском, английском и финском языках) дается в третьей части монографии «Использование функционального синтаксиса в прикладных целях» (раздел 9.3). Остальные разделы третьей части посвящены другим аспектам прикладного использования ФС – в исследованиях текста, в электронной обработке языка и, конечно же, в преподавании иностранных языков.

В заключение хочется отметить, что труд Арто Мустайоки обладает рядом несомненных

достоинств: в нем поднимаются теоретические проблемы, перспективные в плане дальнейшего исследования; дается свод основных понятий и категорий функционального синтаксиса; систематизируются синтаксические конструкции русского языка, служащие для выражения важнейших семантических категорий. Это делает книгу А. Мустайоки интересной для самого широкого круга лингвистов – теоретиков «активной грамматики» и функционально-семантического подхода, синтаксистов, русистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 2006 – Ю.Д. *Апресян*. Фундаментальная классификация предикатов // *Языковая картина мира и системная лексикография* / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2006.
Падучева 2004 – Е.В. *Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Г.И. Кустова

М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М.: Языки славянской культуры. Т. 1. 2004. 562 с.; Т. 2. 2007. 842 с.

В 2007 г. завершено издание двухтомника избранных трудов выдающегося отечественного лингвиста Михаила Викторовича Панова (1920–2001). В двух объемистых томах собрана значительная часть наследия ученого, не включены, правда, монографии (иногда, впрочем, вошедшие в издание во фрагментах: из книги 1967 г. «Русская фонетика» помещена историографическая часть). Зато собрано вместе большое количество статей и разделов в коллективных монографиях, разбросанных по разным изданиям и зачастую представляющих собой библиографическую редкость. Например, проспект коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (не во всех пунктах покрываемый позже изданной серией монографий) публиковался в 1962 г. в *Алма-Ате*. Собранные вместе, они дают хорошее представление о творческом пути Михаила Викторовича, начиная с выступления в дискуссии о фонеме в «Известиях АН СССР» в 1953 г. и кончая отзывом о работах Е.А. Брызгуновой по русской интонации, написанным менее чем за месяц до кончины, в октябре 2001 г.

В предисловии к первому тому (с. 8–13, далее в ссылках на издание через двоеточие даются номер тома и страницы) Е.А. Земская и С.М. Кузьмина перечисляют области науки, которым занимался Панов. Это русская фонетика, типология фонетических систем, фоно-

логия, теория письма, проблема слова и членности на слова, теория частей речи, социолингвистика, упомянута и деятельность по популяризации науки о языке. Этот список можно было бы расширить, включив сюда теорию парадигматических и синтагматических отношений в языке, стилистику, поэтику, методику преподавания русского языка, историю отечественной лингвистики и многое другое. И каждая область отражена в издании.

За полвека научной деятельности Панов занимался всего одним языком, пусть столь важным для нас, как русский (преимущественно современным, но также и языком XVIII–XIX вв.). Ссылки на материал других языков у него нечасты. И в то же время он постоянно выходил за рамки русистики, ставя проблемы «языка вообще», развивая лингвистическую теорию. Такое сочетание интересов может заключать в себе определенную опасность, о которой сам Панов упоминал в связи с деятельностью выдающегося ученого К.С. Аксакова: Аксаков «говорил о человеческой звуковой стихии вообще, не обязательно русской, но мысль его в действительности была прикована к фактам русского языка»; по мнению Панова, в его построениях следует «видеть теорию русского языка, а не любого и каждого (как хотелось бы самому Аксакову)» (2: 659). Однако во времена Аксакова общей фонетической теории еще не существовало, а Михаил Викторович